

Научный редактор: Фадеева И.Е.

Сборник научных статей по материалам конференции «Символ в системе культуры: символические миры и знаковые системы».
Сыктывкар: Коми пединститут, 2004. 270 с.
ISBN 5-87661-035-6

Книга «Символ в системе культуры: символические миры и знаковые системы» представляет собой сборник статей и материалов, составленный по итогам Международной научной конференции, состоявшейся в г. Сыктывкаре 28 апреля 2004 года. В сборнике представлены исследования российских и зарубежных культурологов, философов, искусствоведов и филологов по проблемам социокультурного семиозиса, то есть функционирования и семантики символических и знаковых систем. Сборник содержит также опыт интерпретации художественных текстов, который может быть использован в процессе школьного и вузовского образования. Книга адресована исследователям культуры, преподавателям, студентам и аспирантам.

Содержание

Вместо введения. Символические миры и интерпретация знаковых систем.....	6
РАЗДЕЛ I. СИМВОЛ И КУЛЬТУРА: СИМВОЛ И ЗНАК В ПРОСТРАНСТВЕ КОММУНИКАЦИИ.....	8
Аринин Е.И. (Владимир, Россия) Знаки присутствия (к постановке проблемы общего понимания).....	8
Арно Сурво (Хельсинки, Финляндия) Научная риторика и авторитет поля.....	10
Дворникова Е.И. (Ставрополь, Россия) Диалогическая природа символа в системе культуры.....	19
Калюжный В.Н. (Харьков, Украина) О метаязыке типологических описаний культуры (по Ю.М. Лотману).....	25
Котылев А.Ю. (Сыктывкар, Россия) Символы места. К проблеме представления пространства в современной культуре.....	29
Макарова Л.М. (Сыктывкар, Россия) Функция знаковости в формировании идеологии нацизма.....	36
Фадеева И.Е. (Сыктывкар, Россия) Лента Мебиуса или Теория символа как феномен культуры.....	41
Федосов Л.С. (Сыктывкар, Россия) Язык архитектуры постмодернизма и его адаптационные возможности в дизайне городской среды.....	48
РАЗДЕЛ I. ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ВОСПРИЯТИЯ ЗНАКОВ И СИМВОЛОВ.....	54
Семенов В.Н. (Ставрополь, Россия) Закон композиции визуальных графических информационных средств коммуникаций.....	54
Серов Н.В. (Санкт-Петербург, Россия) Хроматическая интерпретация цветовой символики.....	65
РАЗДЕЛ II. ЯЗЫК – КУЛЬТУРА – СОЗНАНИЕ.....	72
Астаева Т.Т. (Сыктывкар, Россия) Межкультурная коммуникация в контексте изучения неродного языка.....	72
Беляева М.Ю. (Ставрополь, Россия) Ономастическая символика отношений родства.....	78
Винниченко Т.В. (Архангельск, Россия) Лексика художественного шитья XVI—XVIII вв. в лингвокультурологическом аспекте.....	85
Волкова Н.И. (Сыктывкар, Россия) Цветовая картина мира в прозвищах (на материале русского и коми языков).....	97
Докучаева Р.М. (Сыктывкар, Россия) Репрезентация смыслового пространства глагольными лексемами.....	97

**О метаязыке типологических описаний культуры
(по Ю.М. Лотману)**

Самостоятельным направлением культурология стала лишь недавно. Есть, однако, все основания считать ее центральной дисциплиной гуманитарного цикла. Широчайший диапазон культурологии позволяет сосуществовать внутри нее самым различным типам мышления: от непринужденно-эссеистического до логико-дедуктивного.

Тезис «культурология как строгая наука» предполагает следование общепринятым научным стандартам: четкую постановку задачи, однозначное определение терминов, убедительную аргументацию. В «строгой» культурологии уже сложилась своя классика. К образцам гуманитарной мысли принято относить и работы Ю.М. Лотмана (ЮМЛ). Однако внимательное чтение его работ ставит их четкость под сомнение.

В качестве примера обратимся к одной из центральных работ ЮМЛ «О метаязыке типологических описаний культуры» (1969 г.). Попробуем

проанализировать ее ключевой концепт, а также его математическое (геометрическое, топологическое) воплощение. Поскольку указанная статья многократно перепечатывалась в разных изданиях, мы будем указывать при ссылках не страницы, а номера пунктов, из которых взяты цитаты.

Содержательная типология культуры, намечаемая в начале статьи, основывается на противопоставлении СВОЕ-ЧУЖОЕ и, казалось бы, не требует особого аппарата. Тем не менее, основную задачу ЮМЛ видит в «выработке такого метаязыка, который удовлетворял бы требованиям современной теории науки» (2.2). Несмотря на это заявление, ключевые термины язык и метаязык в работе не определяются. Как синонимы метаязыка, можно думать, используются термины: «язык описания» (2.1.1, 2.1.2), «язык науки» (2.1.2). Напомним в связи с этим, что любой язык предполагает наличие синтаксиса (морфологии), семантики и прагматики.

В п. 1.0.1 как о само собой разумеющихся вещах автор говорит о «языке культуры», который при определенных условиях «становится метаязыком данной типологии культуры». При этом, что такое «язык культуры», а также «язык культуры общества», не поясняется. Совпадают ли они с естественным языком или языком культурных форм? В дальнейшем указанное совмещение критикуется – «использование языка своей культуры в качестве метаязыка описания» признается тривиальным (2.1.1). Соответственно, ставится задача создания «системы метаязыка, которая ни для одной из частей описания не совпадала бы с языком объекта» (2.3).

Как вариант, указывается европейская культура XVIII в. «Здесь в качестве нормы, определяющей метаязык типологического описания культуры, выступает не “культура”, а “природа”» (1.1). Однако данный язык никак не детализируется.

Основной объект исследования – культура – варьируется в работе весьма широко: от действительности (3.2), «объективного мира» (5.3) до литературы. В ряде случаев под культурой подразумевается цивилизация.

Обращает на себя внимание следующее несоответствие. С одной стороны в статье ставится задача исследования «метаязыка типологических описаний культуры» (1.0.1), (1.1), (3.2.2), т.е. средства описания не индивидуальных культурных явлений, а типов (классов) культурных целостностей. С другой стороны говорится о «метаязыке описаний культуры» (3.0), (7.0), «моделей культуры» (13.0.1), «текстов культуры» (3.2.2), т.е. собственно языка культурологии.

Иной раз даже возникает подозрение, что автор (механически?) путает выражения «культура» и «типология культуры». Так, говоря о «фактах, стоящих вне типологии культуры», он явно подразумевает «докультурное или внекультурное состояние» (3.2.1).

В качестве искомого метаязыка ЮМЛ пытается взять «язык пространственного моделирования» (12.3), язык «пространственного описания» (13.0), язык «пространственных терминов» (13.0.1). Эта мысль повторяется с разными вариациями, хотя по существу использование «пространственных моделей как метаязыка» (3.2.2) остается неясным.

В п. 3.0 высказывается предположение, что «аппарат описания топологических свойств фигур и траекторий (гораздо более уместный в механике — В.К.) может быть использован в качестве метаязыка при изучении типологии культуры». ЮМЛ надеется, что «система пространственных характеристик текстов культуры, будучи вычленена в качестве самостоятельной, сможет выступить как метаязык единообразного их описания» (3.2.2).

Вольно или невольно ЮМЛ развивает соображение Э. Кассирера: «Объективный мир стал для языка понятным и проницаемым в той мере, в какой ему удалось представить его пространством, перевести его на язык пространства». В книге «Внутри мыслящих миров» заголовок одного из разделов — «Символические пространства» — воспринимается как аллюзия на «Философию символических форм». Нужно, однако, различать «опространствление» мира природного и культурного.

Термин «пространство» ЮМЛ специально не поясняет, хотя, похоже, что он понимает его сообразно принятому в топологии. Напомним, что в математике пространство — это особая структура, т.е. множество, на котором задано отношение близости элементов (расстояние).

В п. 3.2.2. делается странный вывод: «Таким образом, между метаязыковыми структурами и структурой объекта возникает отношение гомеоморфизма». Последнее отношение, заметим, может существовать только между топологическими структурами (пространствами), которые в данном контексте не рассматривались. Скорее, здесь может идти речь об изоморфности, т.е. совпадении структур. Возникает также вопрос, что такое «метаязыковые структуры»? Структуры метаязыка? И почему, кстати, они во множественном числе, когда объект единственен? Если упомянутое указание на гомеоморфность понимать как суждение о подобии языка, описывающего некий объект, и самого объекта, то оно проблематично.

Наконец, делается следующее сомнительное уточнение: «в подобном отношении оказываются непространственные структуры к пространственным, а пространственные — к пространственным метаязыковым моделям описания».

К числу центральных понятий работы относится «текст культуры», определяемый в п. 3.1. как инвариант всей необозримой совокупности текстов (сакральных, профанных, научных, художественных и т.п.) функционирующих в культуре. Подобный гипотетический «инвариант» представляется как абсолютно бессодержательным, так и лишенным

художественных достоинств. Однако первое положение заставляет автора колебаться: «На уровне текста культуры мы, казалось бы, имеем дело с чистой структурой содержания, поскольку все, что относится к разнообразным планам выражения, было “снято” во время сведения реальных текстов к инвариантному тексту культуры» (3.2.2).

Остается неясным, на каком языке написан «текст культуры»? На неопределяемом «языке культуры», национальном (естественном) языке, метаязыке?

Не очень помогает и следующее суждение: «Описание пространства данного текста культуры будет выступать в качестве метаязыка, на котором исследователь ведет разговор о внутренней организации данной модели мира <...>» (4.0.1). Казалось бы, должно быть наоборот — описание выполняется на подходящем языке. Неясно также, что именно описывается: мир, его модель или пространство?

Для построения «пространственного метаязыка» как минимум нужно задать его лексикон. Насколько можно судить, автор включает в него такие термины как «граница» (6.0, 7.0), «внутренность», «внешность», «ориентированность» (4.0.1), «гомеоморфизм», «непрерывность» (6.0). Однако все эти понятия используются бессистемно и не складываются в целостный язык.

Попробуем подойти с другой стороны и воссоздать формальный вариант подразумеваемого автором, но так и не предъявляемого читателю метаязыка. В своем простейшем варианте он будет состоять всего-навсего из двух выражений (букв, слов). Синтаксис (морфология) в этом языке отсутствует в том смысле, что исходные символы не объединяются в более сложные сочетания (предложения). С учетом дальнейшего целесообразно обозначить исходные элементы языка как a и $\neg a$. Обозначая этот язык через L , получаем теоретико-множественное равенство: $L = \{a, \neg a\}$. Язык обладает элементарной внутренней структурой, задаваемой транспозицией $x \neg x$. Вспомогательный символ “ $\neg$ ” естественно интерпретировать как отрицание (для которого справедлив закон двойного отрицания: $\neg \neg x = x$). Можно сказать, что язык L состоит из двух антонимов. Этот язык является минимальным языком, позволяющим сконструировать в общем виде бинарную оппозицию: $a \neg a$.

Если говорить о частях речи, то в языке L нет различия между именами существительными и прилагательными. Так что выражение a с равным успехом может пониматься, например, и как существительное “организованность” и как прилагательное “организованный”.

Данный язык является формальным, асемантичным. Поэтому он нуждается в искусственном означивании. Типичная теоретико-множественная интерпретация строится следующим образом. Фиксируется множество U и его разбиение на два (непересекающихся) подмножества: A и $\bar{A}$ (дополнение A). Заметим, что вопреки представлению ЮМЛ

разбиение вовсе не предполагает границы. Элементу a сопоставляется A , а элементу $\neg a$ – подмножество SA .

При содержательном же подходе паре $(a, \neg a)$ может быть сопоставлена любая оппозиция: СВОЕ $\leftrightarrow$ ЧУЖОЕ, МЫ $\leftrightarrow$ ОНИ, ВНУТРЕННЕЕ $\leftrightarrow$ ВНЕШНЕЕ...

ЮМЛ стремится рассматривать и более сложные культурные модели, определяемые двумя оппозициями (6.2). Для их описания можно привлечь новый язык, получаемый как декартово (прямое) произведение двух простейших языков: $\{a, \neg a\} \times \{b, \neg b\} = \{ab, a\neg b, \neg a b, \neg a \neg b\}$. Последний язык имеет более сложную синтаксическую структуру.

Вместе с тем подобные примитивные языки неестественно характеризовать как «геометрические», «пространственные», «топологические».

Формулируемые ЮМЛ выводы (13.0) фактически повторяют его предположения. Бесхитростно заявляя: «Можно сформулировать следующие положения» (4.3), автор не обременяет себя доказательством. Он не дает ссылок на специальную (математическую) литературу. В результате в тексте ЮМЛ риторики значительно больше, чем логики. Искомый метаязык автор не конкретизирует, ограничиваясь общими рассуждениями. Неясна как степень его математизированности, так и описываемая ею сфера: культура, ее модель, язык культуры или ее «текст».